

Зигмунд Красинский на Подолье

Category: Edebi makalalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Зигмунд Красинский на Подолье ЗИГМУНД КРАСИНСКИЙ НА ПОДОЛЬЕ

к 200-летию великого польского поэта

19 февраля 2012 г. Польша отметила 200-летие со дня рождения Зигмунда Красинского, одного из «поэтов-пророков», который вместе с Адамом Мицкевичем и Юлиушем Словацким – в троице самых выдающихся поэтов своей отчизны. Зигмунд является выдающимся представителем давнего благородного рода герба Слеповрон, который берет начало от легендарного Ваврженти, гетмана Конрада I, князя мазовецкого (1187–1247). Среди его предков были воины, сенаторы, епископы, воеводы, депутаты сейма, старосты; правда, попадались, как это бывает в порядочных семьях, авантюристы и забулдыги. Единственная коронованная особа рода – Францишка Красинская (1744–1796), жена принца Кароля, сына короля Августа III Саса; ее правнук, Виктор Эммануил, стал первым королем объединенной Италии. Короче говоря, этот род оставил след в истории не только Европы и Польши, но и Подолья. Благодаря бабушке поэта, Антонине Красинской из Чацких (ее энергичности и хозяйственности) и ее сыну Винценте городок Дунаевцы в конце XIX века стал промышленным центром региона, получил неофициальное название «подольский Манчестер». Несколько сооружений, построенных Красинскими (или же при их содействии) и о которых они заботились, до сих пор являются украшением города. Это – «скромный, однако изысканный небольшой дворец», изображенный на известном рисунке Наполеона Орды (1873 г.), бывший монастырь капуцинов (ныне церковь Рождества Христова) и Дом молитвы (бывшая кирха). К сожалению, не пережил эпоху борьбы с «опиумом для народа» костел св. Михаила, о котором длительное время лично заботилась пани Антонина; это величественное здание, очень похожее по размерам и архитектуре на кафедральный костел в Каменце-Подольском, доминировало над

городком и околицами, там хранились уникальные произведения искусства.

Накануне двухсотлетия со дня рождения славного сына польского народа, очевидно, стоит немного больше рассказать о нем и пребывании поэта в Дунаевцах на Подолье. Тем более, что даже некоторые ученые-историки до недавнего времени это отрицали.

Родился Наполеон Станислав Адам Феликс Зигмунд Красинский 19 февраля 1812 г. в Париже. Он был единственным сыном Винценты Красинского и Марии Радзивилл.

Кстати, некоторые краеведы еще и приводят дату крещения поэта – 19 декабря 1812 г. Еще и доказывают, что его крестным отцом был сам Наполеон Бонапарт. Во-первых, мол, император лично обещал это, о чем свидетельствует письменное упоминание, сделанное отцом Зигмунда после рождения сына: «Сегодня Император сообщил мне, что к кресту пана Наполеона Зигмунда держать будет». Во-вторых, об этом говорит, по их мнению, одно из имен поэта – Наполеон. Однако другие первоисточники эту версию не подтверждают. Очевидно, что-то не сложилось. Кроме этого, зимой 1812 г. Наполеону было не до крестин.

Отец поэта – генерал французский, потом русский, сенатор-воевода Королевства Польского, российский сенатор, адъютант Николая I. Кстати, учился только в частном пансионе во Львове, однако добился высокого положения благодаря, не в последнюю очередь, своим природным способностям и пристрастию к чтению. Мать – Мария Урсула Радзивилл – умерла достаточно рано, когда Зигмунду едва исполнилось десять лет. Стараясь отвлечь сына от угнетающих мыслей, генерал после всех жалобных мероприятий после смерти жены приехал вместе с ним к своей матери.

Иосиф Ролле так описывает это событие в рассказе «Бабка поэта»:

«Дунаевецкий двор обретал признаки торжественности каждый раз, когда появлялся желанный гость с отцом... Хозяйка забывала о привычной экономности, старалась сделать пребывание внука приятным, устраивала экскурсии в известные с лучшей стороны Мушкутинцы».

Настала очередь поездки в Каменец. Вот как Зигмунд рассказывает о поездке в Старую крепость в одном из своих

более поздних писем: «Роятся в памяти воспоминания о том городе, разделенном взгорьями, без деревьев, без садов и то кладбище возле окопов давней Речи Посполитой, которое когда-то видел, поехав туда еще ребенком»... Будущий поэт посетил также Окопы Св. Троицы... Десятилетний мальчишка серьезно и растроганно рассматривал выщербленные стены, которые в последний раз обороняли при Пуласких во имя идеи, которую отстаивали прадед молодого путешественника и брат того прадеда. Должна была глубоко отпечататься в памяти и местность на скалистом побережье Днестра, и та тропа, которая ужом сбегала к ложу старого Тириса, когда через много лет развернул здесь действия одной из своих замечательных поэм. Ведь его Генрик в «Небожественной комедии», в Окопах Святой Троицы защищает принципы старого мира, а побежденный, бросает в отчаянии из глубины сердца: «Вижу ее всей черной, она плывет ко мне темным пространством, моя вечность, без берегов, без островов, без конца, а посередине Бог, как солнце, которое вечно горит, вечно сияет, но ничего не освещает».

Мальчик впервые под крышей бабушки ознакомился с историей дома Красинских... Она влияла на молодого и ранимого внука, как старая хроника, имея над хроникой то преимущество, что оживляла свои рассказы, обогревала их любовью, подстраиваясь под детские понятия».

Большую часть своего детства маленький «Зизи» провел в Варшаве, удивлял всех своей памятью и эрудицией и считался вторым вундеркиндом после Ф. Шопена. Первый рассказ он написал в шесть лет на французском языке.

Учился мальчик дома. Домашняя программа предполагала изучение истории, литературы, географии, политической экономии, латыни, греческого, французского, немецкого и арабского языков, арифметики, алгебры и геометрии. В свои 12 лет «пан Зигмунд» по развитию не уступал студентам университета.

Осенью 1825 г. 13-летний Зигмунд второй раз осуществил путешествие на Подолье. Дорога в Дунаевцы пролегла через Владимир, Порицк, Кременец, Ярмолинцы. О быстром интеллектуальном развитии парня свидетельствует также написанный тогда «Дневник путешествия», богатый достаточно

глубокими, как для его возраста, рассуждениями.

В сентябре 1826 г. после соответствующего экзамена его сразу приняли в последний класс лицея. За год успешно закончил это учебное заведение, получив «посредственно» только по математике. После каникул 15-летний юноша начинает обучение на отделе права Варшавского университета. Тогда же, как следствие общения со старшими ребятами, началась и «папиросная эра», «домашнего ребенка» было не узнать.

Некоторые подробности следующего приезда З. Красинского на подольскую землю находим в цитируемом выше рассказе И. Ролле: «Летом 1828 года 16-летний кавалер, уже студент университета, приехал вместе с неразлучным Гашинским¹ в Дунаевцы. Считал долгом найти даму сердца. И нашел ее в лице чернявой пани Гелены, симпатичной 20-летней дочери единственной дворовой женщины скромного положения старостины, исполнявшей обязанности поварихи. Итак, молодой студент в нее и влюбился. Угождал, говорил комплименты, но девушка ему решительно отрезала, вела себя важно и с достоинством».

Закончить учебу Зигмунду не довелось, в 1829 году он оставил университет из-за остракизма со стороны студенчества. Причиной была неявка Красинского, вопреки договоренности с товарищами, на похороны председателя Суда сейма Петра Белинского, пламенного польского патриота. Отказаться от участия в похоронах, куда вышла почти вся Варшава, его заставил отец. Возмущенные этим студенты заявили, что он не достоин их общества и сокрушительную обструкцию: шипели, плевались, топали ногами, истинный поляк Леон Лубненский сорвал с недавнего приятеля лацканы и нашивки, не обошлось без пощечин по лицу. А когда недавние товарищи взялись за камни, Зигмунд вынужден был бежать прочь... Впоследствии опять возник спор с Лубненским, что едва не закончилось поединком. Скандал получил огласку. Университетский совет, учитывая, что «пан Зигмунд» «легкомысленен» и «беспокоен», исключил его из университета «на один год». И хотя Лубненского исключили тоже, возвращаться в учебное заведение после такого позора шляхтич Красинский не мог...

Вообще, влияние отца на Зигмунда было огромным. Сыну никогда

не удалось выйти из-под опеки «домашнего тирана, безгранично любящего своего единственного ребенка»; генерал постоянно вмешивался во все дела и личную жизнь сына. Почти всегда поэт находился в состоянии перманентного конфликта с родным отцом, был вынужден бороться с комплексом униженного достоинства в сочетании с чувством трагизма и безнадежности. Зигмунд, имея замечательные интеллектуальные способности, но слабое здоровье, не мог обеспечить себе независимое существование. Кроме материального и морально-политического аспектов, этот конфликт имел еще политический акцент. Дело в том, что бывший наполеоновский генерал, кавалер ордена Почетного Легиона и участник кампании 1812 года после отречения Наполеона перешел на российскую службу. Император Николай I в поляке В. Красинском нашел «идеал верности». Отношение сознательных поляков к генералу крайне ухудшилось, когда тот не поддержал Ноябрьское восстание. Возникает впечатление, что если бы это случилось в начале его карьеры, то он был бы в первых рядах (ему нравилось «быть первым»), а теперь просто не хотел потерять положение и богатство из-за участия в рискованном деле. В декабре 1831 г. повстанцы едва не повесили генерала, даже «петлю уже накинули на шею».

Генерал Красинский поет дифирамбы российскому императору («только объединение вокруг Вашего Величества спасет мир»), верно ему служит, получает высокие должности, награды и доверие.

А поэт Красинский пишет стихотворение с показательным названием – «Москалям», где откровенно выражает свое отношение к разрушителям польского государства и бросает им в глаза:

Была б сила, враз
Всех бросил бы в пучину...

Произведения Красинского нужно читать в оригинале, так же, как Шевченко или Пушкина. Поэтому пусть уважаемые читатели простят мне, что предлагаю отрывки из поэзии классика в своем переводе.

Покинув университет, он едет за границу, преимущественно живет

в Германии, Франции, Италии, лечась на тамошних курортах. Кроме того, погружается в самообразование, углубленно изучает иностранные языки, особенно английский, знакомится с европейской литературой. Тогда же налаживаются хорошие отношения с А. Мицкевичем, Ю. Словацким, А. Цежковским (творец «философии чина»). Однако самым большим событием становится знакомство в Неаполе в декабре 1838 года с Дельфиной Потоцкой (из Комаров). Собственно, впервые он увидел ее во время путешествия на Подолье в 1825 году. О ней есть упоминание в его письме к отцу, написанном в то время. Сначала Красинский отнесся к ней достаточно неоднозначно, но вскоре она стала его музой, «дорогой Беатриче». Неожиданное чувство принесло поэту долгие годы творческого взлета («все чувствовал и весь пел») и «разогнало черную адскую, проклятую печаль, которая угрожала... окончательным отупением и потерей всевозможной силы».

Влияние Дельфины на творчество поэта огромно. Поражает и захватывает их многолетняя переписка – это более 5000 писем (сохранилось около 700).

Дельфина была замужем за пресловутым авантюристом Мечиславом Потоцким. В связи с этим влюбленные не очень верили в свое совместное будущее, а отец Зигмунда крайне негативно отнесся к его увлечению. Властолюбивый генерал в очередной раз делает так, как считал нужным: «был милостив», но «забыл» обеспечить деньгами. Более того, добился, чтобы сын вступил в брак с Элизой Браницкой. Свадьба состоялась в июле 1843 г. Материальная независимость тоже наступила только после женитьбы.

Был еще один человек, которого поэт очень любил, это – его бабушка Антонина. Для Зигмунда она была «любимой Бабулей»; он старался «делать все возможное, чтобы ей послужить, не вызывать на себя гнев», «целыми часами читал ей «Историю великой армии» Сегюра, которая ей очень нравилась. В последний раз Зигмунд виделся со своей бабкой в Варшаве незадолго до ее кончины (умерла 27 июля 1834 г.). Перед тем он вернулся из Петербурга, где генерал хотел устроить сына на службу при царском дворе.

«Прощание было очень трогательным...». Пани Антонина очень

любила внука, «от той любви молодела, становилась более энергичной, приехать из Дунаевцев в Варшаву после известия о болезни мальчика было для нее пустяком, всем близким и далеким рассказывала о его добродетелях».

После смерти бабушки Зигмунд только однажды был на Подолье в 1844 г., куда прибыл вместе с отцом. Викарий Дунаевецкого костела Эразм Вежейский «имел честь» тогда познакомиться с ним и по просьбе И. Ролле написал и передал ему свои воспоминания о том приезде поэта:

«...Однажды вечером мне сообщили о приезде гостей и – что помещик хочет меня видеть. Генерал, уставший с дороги, принял меня сам. Просил меня утром отправить жалобную службу по его матери...

После службы пригласил меня к себе. В небольшом зале встретил незнакомого, худого, с грустным лицом мужчину, который беспокойно рассматривал толпу во дворе и как будто размышлял, когда же это все наконец закончится. Я подошел ближе, представился. Он сказал, что является сыном хозяина дома и замолчал. Несколько минут сидели друг напротив друга, не зная, как начать разговор.

– Как эта аудиенция утомляет моего отца, – сказал наконец.

– Но ее не избежать в связи с высоким положением, занимаемым паном графом, – ответил я в свою очередь.

Это было начало, хотя паузы были достаточно длинными. Пошло быстрее, когда коснулись воспоминаний о старостине, когда начал рассказывать о ее доброте и административных способностях. Слушал внимательно, но участия в разговоре не принимал. Потом перешли к литературе, к новым произведениям, которые неплохо знал и которые в незначительном количестве были известны жителям нашего захолустья. От Гославского, Гошчинского, Мицкевича, Пола как будто поневоле перешли к «Небожественной комедии», которую собственно недавно прочитал с большим вниманием и, скажу искренне, был в восторге от изысканности формы и языка. Это также слушал с безразличием и стеклянным взглядом, направленным в одну точку, как будто речь шла не о его произведении.

По правде, мне такое поведение понравилось. Начал

предполагать, что на самом деле «Небожественную комедию» написал Гошчинский, а не Красинский. Еще больше стал склоняться к этой мысли потому, что он уделял этому какое-то незначительное внимание, выказывал определенное неуважение к произведению и перевел разговор на другую тему... В частности, я заметил, что пан Зигмунд в разговоре очень осторожен, несмел, недоверчив, деликатных вопросов избегал, а будничные его не интересовали.

...Перед отъездом пан Зигмунд посетил костел, внимательно рассматривал надгробия и медальоны, потом зашел на минуту ко мне. После короткого разговора сердечно обнял и, наклонившись, взволнованным голосом тихо спросил: «Пан ксендз читал ли другие произведения автора «Небожественной комедии»?». Ответил, что ни одного. Наступило время прощания. Несколько месяцев спустя получил с какой-то оказией две небольшие книжечки его произведений, которые храню как очень дорогие моему сердцу».

Красинский скрывал свое авторство. На первый взгляд, это вызывает удивление, ведь признание – вполне естественное стремление и даже мечта каждой творческой натуры. Объяснение простое. Генерал Красинский был достаточно заметной фигурой в Королевстве Польском, а потому для современников поэт Красинский в первую очередь оставался сыном «наполеоновского генерала» и «царского фаворита», «изменника» и «политического оппортуниста», «предусмотрительного обывателя» и «карьериста». Потому он был известен как *le poete anonyme de la Pologne*, иногда печатался под криптонимом (Napoleon) К. Единственная книга, где указано полное имя автора – «Гробница семьи Рейхсталов» (1828 г.).

Творчество Красинского признано миром жемчужиной европейской литературы. В этом контексте было интересно ознакомиться с мнением русских литературоведов. Оказалось, что, например, в русской «Литературной энциклопедии» (М., 1932, Т. 3) о нем нет практически ни одного доброго слова. Вот несколько характерных цитат. Поэт «не знает природы... его люди – носители умозрительных принципов». «Красинский – односторонний». Произведения поэта – «неубедительная проповедь христианских

идеалов». Его герой – «безжалостный и умный демагог». «Нищета аргументации»... Почему так, становится понятно даже из поэмы «Перед рассветом»:

Захожие нас выгнали с земли отцов,
Заставив пахать чужеземные нивы.
И слышалось «Ура!» ненасытных врагов,
Что оковами край наш покрыли...

Самые известные произведения Зигмунда Красинского – «Небожественная комедия», «Иридион», «Перед рассветом», «Фантазия жизни», «Последний», цикл «Псалмы грядущего», «Готические повести», повесть «Агай-хан», «Молитвы», «Искушение», «Поэт»; он является автором трогательных лирических стихов – «Время и вечность», «К Пани Д. П». , «Прощание с Италией», «Новая жизнь» и многих других.

В последние свои годы поэт страдал от болезней и часто искал наиболее благоприятное для себя место, некоторое время находился даже в Алжире. Умер Зигмунд Красинский в Париже 23 февраля 1859 г., всего на несколько месяцев пережив отца. Похоронен в Опиногуре, в семейном склепе Красинских.

Четыре года назад в Дунаевцах появилась улица Красинских. Городской совет своим решением «с целью... восстановления исторической справедливости» переименовал улицу Ленина. Жаль, что на бывшем «дворце Красинских» (теперь часть комплексного здания Районного культурно-художественного просветительского центра) до сих пор нет мемориальной таблички о пребывании там великого польского поэта. Накануне 200-летия со дня его рождения это было бы весьма уместно. Ведь, как точно заметил польский писатель Ярослав Ивашкевич, пути украинского и польского народов в ходе истории драматически переплетались, нас объединяла любовь и разъединяла ненависть, но мы никогда не были равнодушны друг к другу.

[1] Гашинский Константин, 1809–1866, поэт, писатель, участник Ноябрьского восстания 1830-1831

Петр ДАНИЛЯК,

исследователь истории Подолья.

24 февраля 2012 Edebi makalalar